

Глава четвёртая, в которой повествуется о том, как Константин получил тысячу долларов за бескорыстную помощь

Допив кофе, и взявшись набивать трубку, Костя поинтересовался: — Ну, ребята, кое-какой материал у вас накопился? Сосать не придётся, надеюсь? А хотите историю, к нашей звезде отношения не имеющую? Чисто для разрядки? Тогда плесни ещё коньячку, Игорь...

Возвращался я в контору после встречи с клиентом. Мы хорошо провели деловое совещание в «Праге», время шло к шести, погода шептала. Осенний Гоголевский бульвар радовал глаз оттенками зелёного, жёлтого, багрового. Сев на скамейку, набил трубку, сквозь ароматный дым разглядывал прохожих и пытался придумывать им характеристики, основываясь на внешности и поведении. Но ничего не получалось. Шли сплошь какие-то обыденные люди, зацепиться не за что. Ни одной приличной биографии!

Наконец, удача. Слева, со стороны Арбата, показалась пара. Странная пара. Женщина и мужчина, причём женщина идёт, словно по линейке, а хорошо, но с претензией одетый мужчина суетится вокруг, то справа, то слева заглядывает в глаза, жестикулирует, много говорит, хотя слов не слышно: далековато, да и машины за спиной тарыхтят. Женщина отвечает, судя по губам, скупно и раздражённо. Но на семейную пару не похоже. У меня мгновенно выстроилась версия: мужик оправдывается перед любовницей.

Дойдя до скамейки напротив, женщина села и достала сигареты. Мужчина услужливо поднёс зажигалку. Какое-то время женщина курила молча, остановив жестом словесный поток спутника.

— Эдик, — наконец произнесла она без эмоций, — за что я вам плачу? Ваши отговорки надоели. Прошла неделя, а кандидата нет. Вы не профессионал, а простой...

Кто простой, она произнесла намного тише, а по губам я читать не умею.

— Елена Валентиновна, ваши условия не для парней нашего круга, а других не устроит требование...

За спиной проревел грузовик, и слова потонули в шуме.

— Вы ищете только под фонарём и не смотрите вокруг. Вон, напротив сидит мужчина с трубкой. Чем не кандидатура? Попросите его подойти, сделайте хоть это.

Мне стало неловко от того, что слишком уж откровенно на них пялюсь, пытаюсь расслышать побольше. Пришлось отвернуться с напускным безразличием.

— Пра-а-стите-е, мужчина-а! А вы не могли бы подойти-и? — обратился ко мне Эдик.

Блин, да этот Эдик настоящий педик! Интонация, женственные манеры, вычурная одежда. Как я сразу не разглядел? Хотя, на фоне женщины он смотрелся нормально...

Я подошёл и сел рядом. То, что женщина красивая, я разглядел издали. Вблизи её красота хуже не показалась, но... это была красота мраморной статуи. Постарше меня года на три, лет примерно тридцати, пепельная блондинка с дивными серыми глазами. Влюбиться можно, если бы от неё не исходили эти, почти ощутимые физически, ледяные волны равнодушия.

— Извините, что побеспокоила. Меня зовут Елена Валентиновна.

— Константин Сергеевич. Очень приятно. О чём хотите поговорить?

— Елена Валентиновна почему-то думает, что...

— Эдик, идите... пособирайте осенние листья... — прервала тираду женщина. Эдик, надув

губки, и правда, пошёл собирать листья!

— Надеюсь, моя просьба не покажется вам совсем уж неуместной. Я прошу вас сняться в небольшой фотосессии. Со мной.

— И только-то? Я согласен.

— Не спешите. Это не всё. Я хочу, чтобы вы сыграли роль моего любовника. Сессия для одного человека. Хочу показать этому человеку, как много он потерял, расставшись со мной.

— Ну что ж, готов помочь, — кивнул я. Если роль любовника, то, чтобы больнее задеть объект, без секса не обойдётся, а женщина она потрясающая, несмотря на холодность. Мне не пришла в голову простая мысль, что этот её человек может отреагировать на снимки в духе времени — найти и прикончить меня. Ведь такая женщина не могла принадлежать простому инженеру, владельцу уличной палатки или челноку.

— Этот человек женщина, — продолжила собеседница. — Надо сыграть роль любовников во всех подробностях, без одежды и с постельными сценами. Эдик отличный оператор и фотограф, снимет и отредактирует крупные планы, но никакого куннилингуса, никакого минета на самом деле не будет, как и всего остального. Я не люблю мужчин. Эдик педераст, поэтому я спокойно смогу раздеться перед ним и камерой. Фотографии же увидит один-единственный человек. И этот человек после просмотра, скорее всего, их уничтожит. А ещё скорее, прямо во время просмотра. Всё это Елена Валентиновна произнесла ровным тоном, не повышая и не понижая голоса.

— Может, проще вставить крупные планы из порнофильма?

— Нет, не проще. Подмена не пройдёт. Валерия слишком хорошо меня изучила. Съёмка будет проходить в загородном доме, отправляться нужно сейчас же. Я и так потеряла неделю, доверив поиск партнёра Эдику. Вы готовы?

— Готов...

Условия были жёсткие. Но меня заела самоуверенность Елены Валентиновны. Захотелось доказать, что она ошиблась в выборе. Не в выборе меня как помощника, а в выборе своей ориентации. Дома делать было нечего, Лариса с утра укатила на трёхдневные съёмки в Ригу.

— Если нужно позвонить, сделаете звонки из моей машины. Идёмте.

Из величественного, хотя и не нового майбаха я позвонил шефу. Уже в сумерках высколенный водитель остановил машину у дома в фешенебельном посёлке.

Нас ждал лёгкий ужин на троих. Фруктовый салат, вино, миндаль, кофе. За ужином Елена Валентиновна установила порядок работы:

— Сначала снимем самое неприятное для меня, то есть крупные планы «секса», потом остальное, вроде ужина при свечах, танцев, поцелуев, раздеваний. Эдик, займитесь аппаратурой. Константин Сергеевич, прошу вас пройти в ванную. Третья дверь по левой стороне на втором этаже. Из ванной вы попадёте в спальню... на съёмочную площадку.

... Я вошёл в спальню и замер. Елена Валентиновна в одних чулках и туфлях на высоченных шпильках стояла под ярким светом, послушно подставляя Эдику то руки, то лицо, то грудь, то попу. Эдик священнодействовал пуховкой, припудривая блестящие участки кожи. Холёное женское тело выглядело выше всяческих похвал. Полотенце, опоясывавшее мои бёдра, немедленно встопорщилось бугром.

Эдик, увидев мою реакцию, заявил:

— Ну вот, я же говорил, для этой роли вам нужен гей!

Вместо ответа Елена Валентиновна подошла и сдёрнула с меня ткань. Член от рывка

отогнулся книзу, с размаху сочно шлёпнул по животу и застыл «на одиннадцать часов».

Женская рука обняла ствол.

— Эдик, подайте масло. Лейте, лейте. Довольно... — командовала Елена Валентиновна, не переставая дрочить.

Я закатил глаза от наслаждения. Не прошло минуты, как оргазм заставил меня застонать. Теперь добавьте к этому аккорду едва ощутимые, скорее, условные прикосновения шёлковых перчаток к члену, пусть и исполнившему только что роль гейзера! Условие жёсткое: при всём этом мне нельзя делать абсолютно ни-че-го!

— Неет, эта-а ниваможно-а! — раздался капризный голос Эдика. — Этот нагло встающий чле-ен! Вы издеваетесь надо мной!

— Эдик, возьмите себя в руки, — холодно сказала Елена Валентиновна, — здесь вас жалеть некому. Мне казалось, что сумма контракта — достаточный аргумент, чтобы вы держали себя в руках? Так будьте любезны.

Да... Эдик завёлся... и навёлся на меня. Выражение лица, как, впрочем, и джинсы не скрывали его мыслей.

Пытка продолжилась. Вот оно — средоточие женской чувственности, я его вижу и обоняю, но не осязаю!.. Ох, слаб человек... ещё как слаб... Воля сломалась под непреодолимым напором соблазна незаметно для меня. Вдруг оказалось, что мой язык касается губок. Ой, что сейчас будет! Я мысленно втянул голову в плечи.

Болезненный щелчок по головке возвратил меня в рабочее состояние. Ну, роль так роль... Щёлкают затворы фотокамер. Педик Эдик трудится в поте лица, обиженно сопя. А как же тружусь я? А я ничего не делаю, точнее, делаю вид, будто что-то делаю... Забался притворяться! Боже, как хочется попробовать на вкус эту холодную красавицу! А-а, была не была!

Пробую — вибрирующим языком, едва касаясь обеих губок, пробегаю сверху вниз и снизу вверх. Щелчков по головке не следует. Ещё раз повторяю забег, нагледя от безнаказанности. Чувствую, как стремительно наливаются-каменеет член. И... что это? Тугой ствол плотно сжат женской рукой. Между губками становится мокро, а на вкус — сладковато! Губки внутренние наливаются, твердеют и раздвигают гладкие щёчки внешних. И мой язык, уже совершенно обнаглев, забирается в сочные горячие глубины. А на головке смыкаются губы, и пикантное покалывание зубов перемежается ласковыми касаниями языка.

Как из другого мира, до моего сознания доходят слова педика Эдика:

— Елена Валентиновна, это не по сценарию... Вы же хотели... Да как же это...

Член мой глубоко-глубоко во рту партнёрши! Вот губы скользят от основания к головке, и рука совершает интенсивные движения вдоль звенящего от напряжения ствола. Аккуратная горошинка клитора под моим языком вырастает до размеров вишенки... и внезапная судорога сотрясает тело лежащей на мне женщины. Чувствую, что наступил решающий момент, аккуратно ставлю податливую Елену Валентиновну спиной к себе, она опирается руками о спинку дивана, изящно отклячив идеальной формы попку, и въезжаю в гостеприимные недра на всю длину и глубину! Обеими руками направляю движения её тела навстречу агрессивным рывкам члена — до плотного и сочного соприкосновения ягодиц с собственным моим фасадом. Женское тело вновь бьётся в оргастических конвульсиях, слабеет и повисает на негнбавом органе, громкий стон переходит в неразборчивые причитания.

— Леночка, радость моя, ты довольна?

Нет, это не мои слова. Я слышу незнакомый голос за спиной и оборачиваюсь. Надо же, я забыл об Эдике, забыл о съёмке, забыл вообще, где нахожусь! Незнакомый мужской голос вернул меня к реальности, и в этой реальности я узрел джентльмена лет сорока с модной бородкой, одетого в японский шёлковый халат с драконами и прочими сакурами.

— Вадим... ты дома? Не ожидала... Познакомься с Эдиком...

Сказать, что я был удивлён — это ничего не сказать! Потому что Вадим, сочно поцеловав фотографа, проникновенным голосом ответил: — А мы давно знакомы...

Костя пососал погасшую трубку и сообщил репортёрам, сидевшим с полуоткрытыми ртами:

— Но это совсем другая тема. Меня несколько не прельщают голубые дали.

Поводив зажжённой спичкой над жерлом трубки, он окутался ароматным облаком.

— Как вы поняли, на этом съёмка завершилась. Эдик и Вадик, обнявшись, отчалили в синеву, то есть в другую комнату. А я остался с Еленой Валентиновной до утра.

... Доставленный на майбахе домой, я обнаружил в кармане пиджака конверт с десятью стодолларовыми купюрами. Да уж... У богатых свои причуды...

— Я не понял, — подал голос Игорь, — эта Елена, выходит, и не лесбиянка вовсе?

— Выходит. Но натура, безусловно, творческая. Разыграла целый спектакль, как видите, чтобы найти бескорыстного идальго